

Огненный император Янь-ди, уклонившись от ответа, вновь спросил:

— Как только ты вступишь на престол, наложница Шу станет матерью императора. Тогда что ты сделаешь с наложницей Ли?

— Провозглашу матерью князя.

— Одна мать императора, другая мать князя, а если они начнут бороться, то как поступишь?

Юн Шань внезапно помедлил:

— Ваш сын сможет уладить конфликт.

Огненный император Янь-ди разомкнул губы:

— Наследному принцу всё же не хватает опыта. Наложница Шу и наложница Ли во дворце пережили трудное время. Вокруг них самовластные родственники, к тому же у каждой есть дети, их силы равны. Борьба наложниц может коснуться императорских министров, а затем затронет и Поднебесную. Наследный принц, Великий спрашивает тебя: если их борьба станет невыносимой и ты не сможешь её пресечь, как ты поступишь тогда?

Юн Шань понимал, что этот вопрос крайне важен и здесь ни в коем случае нельзя ошибиться. Поразмыслив с минуту, юноша скрепя сердце проговорил:

— Честно, если не удастся уладить конфликт, то Ваш сын заключит наложницу Ли в Холодный дворец.

— Хех, — Огненный император Янь-ди слегка улыбнулся, — Мы на воле, а заключить наложницу Ли в Холодный дворец — не всё ли равно, что позволить тебе, наследному принцу, быть заточённым в камере во Дворце Наказаний? Твоя матушка, наложница Шу, тайно хотела отравить Юн Ци, и у неё это почти получилось. Во внутренних покоях дворца есть две трудноодолимые женщины, как ты высвободишь руки, чтобы привести в порядок политику двора?

Юн Шань слегка испугался:

— Что отец-император имеет в виду?

— Ты считаешь, что, убив прекрасную наложницу Ли, сможешь решить проблему. Но сумеет ли Юн Ци тебя простить за смерть матери? К тому же наложница Шу не пощадит твоего старшего брата, так как она станет матерью императора. Без прекрасной наложницы Ли наложнице Шу забрать жизнь Юн Ци будет так же просто, как перевернуть руку ладонью вверх. Ты, кажется,

заботаешься о нём, но если, не выдержав, случайно не доглядишь, то у матери-императрицы получится уничтожить его. А если мать императора убьёт Юн Ци, как ты тогда поступишь? Конечно, будущий император и его мать после этого возненавидят друг друга, а если родственники императрицы начнут воевать с императорской властью, в Поднебесной не будет спокойствия.

Огненный император Янь-ди неутомимо рассказывал, всё точно анализируя. Слушая его, Юн Шань в душе испытывал страх. Подняв голову и чёрными как смоль глазами посмотрев на мужчину, юноша учтиво проговорил:

— Прошу отца-императора научить меня.

— Те nepозволительные отношения между тобой и Юн Ци абсурдны, если всё так будет продолжаться, то позднее это непременно повлечёт за собой беду в императорских покоях. Императорский дворец — главный стержень в мире. Если распространится небольшой шорох, то он вызовет кровавый дождь и пахнувший кровью ветер [1]. — Огненный император Янь-ди замолчал, взгляд тихо упал на молодое лицо второго сына, и мужчина проговорил: — Лишь Мы способны тебе помочь с этим делом.

Юн Шаня словно поразило молнией, в лице не осталось ни кровинки, а сам юноша с тоской крикнул:

— Отец-император!

— Мы утвердились в мысли. Это тоже является результатом борьбы за жизнь наследного принца. Облик мира похож на го, где окончательный результат зачастую ты можешь не предвидеть.

— Отец-император! — Юн Шань подполз на два шага, крепко обхватил ноги мужчины и громко заплакал: — Отец-император, смилуйтесь! Отец-император, смилуйтесь!

С безжалостным сердцем император Янь-ди отмахнулся от сына и крикнул:

— Эй, кто-нибудь, поднимите Наше Величество! Мы возвращаемся во дворец!

Придворные открыли дверь тюремной камеры, и, увидев наследника престола, обнимающего ноги отца, плачущего и умоляющего, все вытаращили глаза, онемев [2]. Спешно подойдя и отдёргивая Юн Шаня, слуги, согласно приказу императора, подняли мягкий стул и унесли его прочь.

Юн Линь всем сердцем ожидал хороших новостей, но, войдя и увидев эту картину, он спешно подскочил к лежащему на земле Юн Шаню и помог встать:

— Старший брат, старший брат! Что случилось? Ты вызвал гнев отца-императора? Старший брат!

Лицо Юн Шаня было бледным, как бумага, взгляд медленно двинулся и упал на Юн Линя. Глаза старшего брата заставили юношу, этого неотёсанного сына императора, невольно вздрогнуть.

Юн Линь неоднократно спрашивал у Юн Шаня, однако старший близнец не согласился проронить и слова. Бессильно покачав головой, он лишь указал на кровать, желая, чтобы тот помог ему вернуться в постель.

В конце концов не добившись ответа, младший брат, полный волнения, нутром догадался, что тайная беседа Юн Шаня с отцом-императором получилась скверной и мужчина отказался отпускать старшего брата.

Неужели отец-император приезжал, только чтобы увидеть их ужасное положение, а ещё стоял на своём, желая вновь отдать их в руки этого негодяя Юн Шэна, чтобы тот задал им трепку?

Сердце оборвалось.

Поначалу отец-император относился к нему с любовью, в детстве он часто брал его на руки и, усаживая на колени, играл и обучал грамоте. К сожалению, повзрослев, они стали встречаться лишь от случая к случаю, также на огромном расстоянии стоило кланяться в землю и справляться о здоровье государя. Ведь родная плоть от плоти, так почему же тогда отец-император так жесток? В конце концов, совсем не отнесётся к ним как к родным сыновьям?

Подумав об этом, Юн Линь вновь почувствовал огорчение. Если бы Огненный император Яньди не приезжал, всё было бы неважно, но его появление вызвало предвкушение. Однако Юн Линь не успел и глазом моргнуть, как все надежды сгорели, оставляя пепел. Юноша ещё больше пришёл в уныние — как хотелось вместе с Юн Шанем залиться слезами!

Только вспомнив, что должен защищать брата, Юн Линь понял: если сейчас горько расплачется, то только увеличит тяготы Юн Шаня, поэтому в конце концов юноша заставил пропасть несколько слезинок, появившихся в уголках глаз.

Дверь тюремной камеры вновь закрылась, оставляя двух братьев сидеть на холодной кровати в ожидании.

Глядя друг на друга и тая невысказанные заботы, юноши молчали.

Спустя час небо уже потемнело.

Снаружи раздалось звяканье ключа.

Настроение Юн Линя изменилось, и юноша, словно леопард, вскочил:

— Отец-император!

Но, увидев в дверях до боли знакомое лицо, он с безысходностью проговорил:

— Это Вы...

— Верно, это пришёл Ваш старый слуга.

Придворный лекарь Чэнь явился в сопровождении двух личных евнухов, сам старик был облачён в строгий официальный императорский наряд чиновника, на плечах из-за холодной глубокой ночи была накинута шуба с воротником из редкого соболя.

Мужчина, не принимая во внимание разочарованного Юн Линя, медленно прошёл внутрь:

— Государь приказал Вашему старому слуге залечить раны наследного принца.

Юн Линь внезапно остолбенел, обнажая лёгкую радость:

— Старого лекаря Чэня прислал отец-император.

— Совершенно верно.

— Старший брат, отец-император прислал придворного лекаря Чэня осмотреть твои раны! — Юн Линь, словно поняв мысли императора, тотчас же обрадовался и оживился. — Я полагал, что приезд отца-императора сюда был напрасным, но всё же, оказывается, он немного помнит о родственных чувствах. — Подав руку, юноша спешно проводил придворного лекаря Чэня до кровати, чтобы мужчина вылечил Юн Шаня, и, пересказав диагноз, установленный пришедшим днём придворным лекарем Сунем, Юн Линь с симпатией сказал: — Пришёл старый лекарь Чэнь, и моё маленькое сердце нашло себе место. Тебе он скажет правдивые слова, на этот раз я понимаю, каково это — преклоняться перед богатством с холодным равнодушием. А в комнате лекарей толпа старых хрычей с волчьим сердцем и собачьими лёгкими [3]. Так как больной отец-император временно заключил старшего брата во Дворце Наказаний, каждый из них неожиданно стал черепахой, которая спрятала голову в панцирь. Наследного принца ранили, а ему даже хорошее лекарство не хотят давать.

Услышав это, Юн Шань нахмурил брови:

— Юн Линь, длинный язык до добра не доведёт, так что закрой рот.

— Очевидно, так оно и есть.

— Ты, в конце концов, закатаешь рукава, чтобы позволить придворному лекарю Чэню проверить мой пульс?

Понимая, что докучает, Юн Линь тотчас же подошёл и посмотрел огненным взглядом на придворного лекаря Чэня, осматривающего раны на спине Юн Шаня. Немного понаблюдав, юноша не выдержал и вновь вмешался, спрашивая:

— Сколько дней будет заживать? Раз уж отец-император прислал придворного лекаря Чэня, неужто в лекарствах ограничит? Лучше достать немного гриба долголетия. Нет, по-моему, лучше взять несколько корневищ горца с гор Лаошань. Матушка говорила, что он укрепляет жизненный дух человека. Старшему брату, хлебнувшему горя, необходимо укрепить здоровье, и тогда будет хорошо.

— Прощу, Ваше Высочество, успокойтесь. Грибов долголетия и горца у нас столько, сколько душе угодно. — Строгий и опытный придворный лекарь Чэнь, посмотрев на неподдельно беспокоящегося Юн Линя, невольно рассмеялся: — По указу императора все лекарства, что даются наследному принцу, самые лучшие. Они содержат редкие целебные средства, ими можно смело пользоваться.

От радости глаза Юн Линя увлажнились, несколько часов юноша был подобен листе в ураган, которая сначала поднималась вверх, а вскоре вновь падала вниз, да ещё сейчас он внезапно подвергся лёгкому желанию отца-императора, которое вдохнуло в него жизнь.

Юн Линь так обрадовался, что не знал, что делать. Положив руку на плечо Юн Шаня и весело похлопав, он с волнением проговорил:

— Старший брат, не нужно вновь делать печальное лицо. Вот видишь, отец-император, в конце концов, волнуется за тебя. Я по виду отца-императора сразу понял, что он переживает, но хочет казаться строгим отцом. Когда он уходил с мрачным лицом, он обернулся и издал милостивый указ. Завтра рано утром старший брат поблагодарит отца-императора за милость, отец-император увидит это и, гарантирую, отпустит нас. Я знаю, что отец-император в душе всё же горячо любит родных сыновей!

Увидев приближающегося придворного лекаря Чэня, Юн Шань никак не изменился в лице.

Услышав намерения Огненного императора Янь-ди от мужчины, все слуги резко нахмурились.

Сейчас, подняв голову и посмотрев глубоким взглядом на лекаря, юноша проговорил:

— Прощу придворного лекаря Чэня от моего имени представить доклад трону, я вновь хочу встретиться с отцом-императором.

Мужчина сказал:

— Передать слова от Вашего имени можно, однако встретиться всё же не получится, необходимо смотреть на желание государя.

— Как придворный лекарь Чэнь думает, можно встретиться с отцом-императором?

Мужчина тяжело и протяжно вздохнул, однако больше не хотел встречаться со скошенным взглядом Юн Шаня.

Осмотрев больного, он спешно выписал рецепт.

Юн Линь лишь глянул на лекарство, что было в выписанном рецепте, и закивал:

— Верно, верно, это хорошее средство. В отличие от ранга, я смотрю на всех глазами собаки [4] и вижу, кто почётный и высокопоставленный муж, а кто низкий подлец. Когда мы выйдем, непременно Вас хорошенько отблагодарим.

Воля Огненного императора Янь-ди, касаемо братьев, была разной и непостоянной.

Придворный лекарь Чэнь выписал рецепт, а слуги и комнаты лекарей отозвались как никогда быстро и предоставили только лучшие целебные средства и сваренные отвары. Вместе с этим они прислали утоляющие боль редкие принесённые в дар лекарства, среди которых был лосьон из осенне-жемчужного гриба фулин, требуемый Юн Линем.

Лекарства были нанесены на раны Юн Шаня, и боль действительно значительно уменьшилась, а цвет лица стал намного лучше.

Юн Линь был так доволен придворным лекарем Чэнем, что после выполненной работы юноша, придерживаясь правил приличия, проводил старого мужчину до двери тюремной камеры. Принц очень редко вёл себя так вежливо.

Этой ночью Юн Шань не сомкнул глаз. Лёжа в кровати, юноша был переполнен душевным волнением, которое то поднималось, то спадало. Фраза за фразой из этой редкой встречи с императором Янь-ди прокручивалась в голове. Юн Шань раздумывал над крайне важными и ставящими в затруднение вещами. Устранив сумятицу в мыслях, он ломал голову, однако не мог придумать обоудовыгодного плана, который бы удовлетворил Огненного императора Янь-ди. Сейчас юноша понимал, что императором быть сложно. Чтобы стать правителем, действительно нужно было вкусить много страданий и горечи. То, что его тело страдало, ладно, но эта дилемма, словно вонзившийся в сердце нож, была крайне невыносима.

Находящийся рядом Юн Линь крепко спал.

На юном лице то и дело появлялась преисполненная надеждой лёгкая улыбка.

Лекарства, что нужно было пить и прикладывать на раны, все без исключения заживляли кожу. Самые хорошие средства укрепляли жизненную силу ци и защищали её основу. На второй день здоровье Юн Шаня заметно улучшилось, нельзя сказать, что раны исцелились, однако двигаться стало гораздо легче.

Получив приказ Огненного императора Янь-ди, придворный лекарь Чэнь рано утром вновь явился к братьям и с тяжёлым вздохом сказал:

— Если юное тело получит серьёзные травмы, то хороший отдых сразу поможет восстановить здоровье. У наследного принца от природы здоровые мышцы и кости, а при хорошей поддержке, еде и отдыхе Ваше Высочество скоро вернётся к обычной жизни и будет подобен живому дракону и тигру. — От этих слов Юн Линь радостно захихикал.

Выписав рецепт, старый придворный лекарь сразу ушёл, а слуги из комнаты лекарей доставили снадобья.

Вскоре дверь камеры вновь открылась.

Это был Мэнь Ци, за которым шли несколько человек. Войдя, мужчина показал жестом:

— Займитесь работой.

Несколько слуг, отозвавшись, спешно начали действовать. Передвинув прочный, стоящий в камере стол, они подняли его и вместе с постельными вещами всё до последнего вынесли из камеры.

Юн Линь спросил:

— Эй, Синмэнь! Какого хрена ты творишь? Унизишь нас, посмотрим, отрубят ли тебе отец-император голову?

Мэнь Ци без высокомерия и заискивания проговорил:

— Ваше Высочество, успокойтесь. Ваш слуга получил высочайший указ и не желает вводить двух Высочеств в затруднение. Согласно высочайшему указу государя, тюремные вещи слишком обветшали и их нужно поменять. Не только постельное бельё поменяем на достаточно тёплое, но и занавески на окнах, повесив защищающую от ветра толстую занавесь.

Услышав это, Юн Линь обрадовался.

Милость императора проявляется не сразу, а если приходит, то сторицей.

Только...

— Почему отец-император не выпустит нас?

— Ваш слуга не знает. Есть высочайший указ, и мы поступаем как требуется, не осмеливаясь задавать лишних вопросов.

Вынеся всё, слуги действительно стали вносить всякого рода новые роскошные и отборные вещи. Конечно, они не шли ни в какое сравнение с вещами во дворце наследного принца, однако, в отличие от старых тюремных вещей, были намного лучше.

Даже печь внесли.

Юн Линь ещё больше обрадовался и приказал слугам не торопиться с заменой других вещей, а подать ему факел, чтобы растопить печь.

Потянув Юн Шаня и усадив возле печки, юноша смеялся, потирая руки:

— Ха-ха! Нужно продержаться, и небо прояснится [5]. Не попади я в подобную передрагу, то не заметил бы в этих словах скрытый смысл. Сейчас, подумав, я понял, что не столкнусь я с неудачей, то вовсе не сказал бы такое хорошее выражение. Отец-император смилостивился, сначала прислав придворного лекаря Чэня, а потом поменяв всю обстановку в камере, боясь, что мы будем обиженными, а потом, по-моему, уберёт матушкин запрещающий указ, чтобы она могла прийти к нам во Дворец Наказаний. Сейчас, боюсь, если матушка узнает про избиение старшего брата, то неизвестно, как отреагирует, так что не нужно позволять матушке увидеть твои раны.

С этими словами юноша оглядывался вокруг, а вид переносящих и спящих туда-сюда слуг веселил душу. Неожиданно махнув рукой, Юн Линь подозвал Мэнь Ци:

— Ты, глупец, для чего так много кроватей? Тесно, что ногу некуда поставить. Скорее перенесите.

— Ваше Высочество, — ответил Мэнь Ци, — кроватей будет недостаточно для сна.

— Кто сказал, что «недостаточно для сна»? Я разве не теснился со старшим братом, как только мы попали сюда? Всё-таки очень тепло!

— Вы же не втисните троих человек?

Юн Линь изумился:

— Каких троих человек?

— По воле государя, так как Его Высочество Юн Ци совершил проступок, потому-то будет заточён во Дворце Наказаний, чтобы образумиться. В высочайшем указе ясно сказано: заключить вас, троих братьев, вместе. Вероятно, чтобы вы, братья, ненадолго могли увидеться.

— Что? — Юн Линь, не обращая внимания на протянутую к огню руку, обжёгся, внезапно отдёргнул её от печки, подпрыгнул и с удивлением спросил: — Старшего брата Юн Ци... Юн Ци, этого подлеца, тоже заключат сюда?

— Верно.

Услышав эти потрясающие небо и колыхающие землю новости, Юн Линь в душе похолодел, но в то же время его сердце охватил огонь. Кто бы мог подумать, что Юн Ци в итоге тоже неожиданно встретится с бедой? Юноша ненадолго остолбенел. Однако вспомнив, что Юн Шань попал во Дворец Наказаний, где всё его тело стало одной сплошной раной, из-за тайно сговорившегося с наложницей Ли и за спиной брата тайком укравшего письмо Гун Ухуэя Юн Ци, Юн Линь невольно заскрежетал зубами и со злобой проговорил:

— Пф, настал и его черёд? Отец-император мудрый, никакие уловки не смогут скрыться от его взгляда. Я уже давно догадывался, что Юн Ци рано или поздно столкнётся с сегодняшним днём. Только зачем заключать его вместе с нами? Моим глазам нестерпимо видеть этого подлого человека! Когда он тут появится, я избью его! Старший брат, я определённо позволю тебе отвести душу!

Но Юн Шань давно пребывал в недоумении.

В душе царил хаос, словно клубок шерстяной пряжи, конец которого невозможно отыскать, но в то же время он был похож на разделённый на неисчислимые протоки горный поток, льющийся беззвучно и затопляющий сердце. Юноша не знал, радоваться или горевать от услышанного.

Юн Ци окажется здесь.

К тому же заточение во Дворце Наказаний — это указ Огненного императора Янь-ди, кроме того, он гласил: заключить в одной камере вместе с ними.

Всё так немыслимо, но тщательно продумано, стоило немного поразмышлять, чтобы понять, что в этом действительно был смысл.

Помыслы государя в самом деле были непредсказуемы, подобны морской пучине.

Отец-император неожиданно старшего брата Юн Ци...

— Старший брат! Старший брат Юн Шань!

Юн Линь несколько раз потянул юношу за плечо, только тогда Юн Шань очнулся, и его озарило.

Юноша поднял голову, в иссиня-чёрных глазах неожиданно промелькнул блеск, который трудно было не заметить, а сам он спокойно проговорил, обращаясь к Мэнь Ци:

— Если сюда попадёт Юн Ци, то побеспокойтесь и принесите ещё грелку для рук и побольше одеял и тюфяков. Мой старший брат боится холода, нельзя позволить, чтобы он замёрз.

Когда всё расставили надлежащим образом, обновили и развесили защищающую от ветра занавесь, в камере стало тотчас же тепло.

Для Юн Шаня, знающего, что Юн Ци вскоре появится здесь, время совсем потеряло свой смысл, каждая минута и каждая секунда, казалось, замедлялись в душе. Не терпелось, чтобы он скорее оказался тут, но в то же время не хотелось видеть его в тюрьме. Сердце словно облили маслом и подожгли, позволяя ему с шипением поджариваться.

Вскоре дверь камеры вновь открылась.

Юн Линь заскрежетал зубами от злости, которая не отпускала душу, услышав шорох и тихое «ах».

Юн Шань, к удивлению, быстрее, чем брат, поднялся на ноги. Устояв, юноша несколько раз глубоко вздохнул и, с трудом успокоившись, направился к открытой двери.

Отвернувшись от лица Ян-вана [6] и пережив множество мучений, юноша смог наконец-то вновь увидеться с Юн Ци, более того, он принял решение: вновь накотившее волнение он должен сдерживать в глубине души, и ко всему, что произошло во Дворце Наказаний, он должен относиться невозмутимо. Увидев старшего брата, Юн Шаню по-прежнему необходимо было сохранять спокойствие, как и раньше.

Но увидев, что Юн Ци не входит, а его вносят, Юн Шань почувствовал, как его, будто внезапно, ударили кулаком в сердце. Юноша подошёл и, не осмелившись поверить своим глазам, уставился на брата. До крайности печальным, дрожащим и осипшим голосом наследный принц спросил:

— Почему он такой?

— Его Высочество Юн Ци болен...

Вносящий юношу евнух не успел договорить, как Юн Шань уже забрал Юн Ци в объятия.

Движения юноши были уверенными и в то же время осторожными, словно его тело не было покрыто ранами.

Стоило только Юн Шаню увидеть Юн Ци, как юноша обо всём позабыл.

— Старший брат...

Неизвестно, спал ли юноша или потерял сознание, его глаза были плотно закрыты, а дыхание — необычайно слабым.

Тихо зовя его, Юн Шань отнёс брата и опустил на подготовленную постель. Склонившись над ним, наследный принц долгое время рассматривал, замерев и всё же не осмелившись вытянуть руку, чтобы погладить худое, приводящее в смятение лицо.

Смотреть на такого исхудавшего Юн Ци было больнее, чем терпеть любые жестокие пытки.

Юн Линь, который раньше требовал избить Юн Ци, срывая своё дурное настроение, широким шагом приблизился к постели и, опустив голову и взглянув на юношу, оцепенел.

Этот старший брат Юн Ци предал их, чтобы вырвать с корнем [7] противников наложницы Ли. Ему полагалось бы жить блаженствующе вне этих стен, наслаждаясь роскошью, так почему, вопреки ожиданиям, его, ещё более несчастного, заключили к ним, двум братьям?

Крепко стиснутые кулаки разжались.

В глазах Юн Шаня был только Юн Ци, а сам юноша чувствовал изумление Юн Линя. Пристальный взгляд, что был обращён на старшего брата, был полон любви и нежности. Долгое время наследник престола увлечённо смотрел, после чего, словно проверяя, с осторожностью протянул руку и погладил лицо.

В сердце словно вонзилась игла, принося боль. Неизвестно, как старший брат довёл себя до такого плохого состояния?

Пять пальцев тонкой и худой руки, лежащие в ладони, были сжаты и обтянуты нежной белой кожей, под которой просматривались очертания невесомых костей.

Юн Шань всегда являлся невозмутимым, здравомыслящим человеком, но, лишь увидев перед

собой Юн Ци, он словно становился другим. Закопанные в глубокие тайники сердца все нежные и хрупкие чувства, будто распаханное плугом, вырвались наружу, попадая под яркие солнечные лучи.

Некоторое время боль была невыносимой, юноша мог лишь держать Юн Ци в руках, вновь и вновь шёпотом зовя его:

— Старший брат, старший брат...

На глазах Юн Линя испытывавший огромные страдания во Дворце Наказаний Юн Шань сохранял хладнокровие, однако сейчас, только увидев слабого Юн Ци, он сразу же поменялся не только в лице, но даже его голос, звавший старшего брата, звучал по-другому и вызывал у близнеца на сердце трепет. Будучи не в состоянии слушать это дальше, юноша прошептал:

— Старший брат, по-моему, он пока не проснётся. Сначала позволь ему выспаться, а как только он пробудится, там увидим. Старший брат, хватит звать его, моей душе слушать... слушать это, всерьёз, тягостно.

Юн Шань, не слыша и не понимая ни единого слова, вновь тихо позвал юношу, но, глядя на плотно закрытые веки Юн Ци, который без тени пробуждения лежал в его руках, он вздохнул. Юноша опустил голову и, прикоснувшись к благородной и красивой переносице, осторожно погладил её.

Юн Линю на самом деле не нравилось случившееся между двумя старшими братьями, и он чувствовал себя неловко, однако, увидев, как Юн Шань стал ласковым и бесконечно заботливым, юноша в ужасе замер, стесняясь промолвить и слово.

Он отвернулся в свою очередь и издал глубокий вздох. Подойдя к печке, юноша сел и стал с усилием потирать руки напротив огня, не зная, злиться на других или же на себя.

Примечания:

[1] Обр.: кровавая бойня, кровопролитие.

[2] В оригинале фраза звучит как «вытаращить глаза и привязать язык», что означает «опешить, остолбенеть, онеметь, от конфуза лишиться дара речи».

[3] Обр. в знач.: жестокий, свирепый, бесчеловечный, бессовестный.

[4] Обр.: определять своё отношение к людям в зависимости от их социального положения; быть снобом.

[5] Обр.: нужно держаться, и обязательно станет лучше.

[6] Владыка ада, загробного мира.

[7] Образ. в знач: уничтожить.

<http://bllate.org/book/13372/1189621>